

РАДА
ЗАРС

(He)
ИЗМЕНА
РАЗДЕЛЕННЫЕ СУДЬБОЙ

Рада Зарс (не) измена. Разделённые судьбой

<https://litres.ru/74221562>

Аннотация

Я толкнула дверь.

И мой мир взорвался. Не разлетелся на осколки. Он рассыпался в мелкую, острую пыль, которая въелась мне в глаза, в горло, в самое нутро. В лёгкие. Мне нечем было дышать.

Два тела. В ее постели. Безмятежные, спящие. Переплетенные ноги, запутанные в шелковых простынях. Белоснежная ткань, сброшенная на пол, как немой свидетель близости. И спина. Мужская спина. Та самая. Я узнала бы ее из тысячи - каждую родинку, каждый рельеф мышц, который я так любила ощущать под пальцами. Моя святыня. Моя частная вселенная. И на ней - тонкая, изящная, хищная рука с идеальным маникюром цвета кровавого рубина. Рука моей лучшей подруги. Она лежала так по-собственнически, словно именно так и должно было быть.

В тексте есть:

Красивые постельные сцены (немножко)

Встреча через время

Лучшая подруга - предательница.

Алкоголь

Немного нецензурной лексики

Проды первую неделю каждый день.

Затем по графику: Понедельник, среда, пятница.

Содержание

Пролог. Юля.	5
Глава 1. Юля	8
Глава 2. Наташа.	12
Визуализация Юля	16
Визуализация Наталья	17
Глава 3. Саша.	18
Визуализация Саша	23
Глава 4. Юля	24
Глава 5. Наташа.	27
Глава 6. Юля.	31
Глава 7. Саша.	35
Глава 8. Юля.	40
Глава 9. Юля.	45
Глава 10. Саша	49
Глава 11. Юля.	53
Глава 12. Наташа.	56
Глава 13. Юля	60
Глава 14. Наташа.	64
Глава 15. Юля.	67
Глава 16. Саша	70
Глава 17. Наташа.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Пролог. Юля.

Я толкнула дверь. И мой мир взорвался.

Не разлетелся на осколки. Он рассыпался в мелкую, острую пыль, которая въелась мне в глаза, в горло, в самое нутро. В лёгкие. Мне нечем было дышать.

Два тела. В ее постели. Безмятежные, спящие. Переплетенные ноги, запутанные в шелковых простынях. Белоснежная ткань, сброшенная на пол, как немой свидетель близости. И спина. Мужская спина. Та самая. Я узнала бы ее из тысячи - каждую родинку, каждый рельеф мышц, который я так любила ощущать под пальцами. Моя святыня. Моя частная вселенная. И на ней - тонкая, изящная, хищная рука с идеальным маникюром цвета кровавого рубина. Рука моей лучшей подруги. Она лежала так по-собственнически, словно именно так и должно было быть.

Воздух вырвался из моих легких с тихим, свистящим звуком. В ушах зазвенела абсолютная, оглушающая тишина, сквозь которую я слышала только бешеный стук собственного сердца, готового разорвать грудную клетку.

Я замерла. Ледяной ужас сковал меня, vmорозил ступни в пол. Мой мозг, отчаянно пытаюсь защититься, выхватывал обрывки, яркие и бессвязные, выжигая их на сетчатке:
Алый, как свежая кровь, лак на этих отточенных ногтях... Знакомая родинка на левой лопатке, которую я

целовала вчера вечером...
 Причудливые, пляшущие тени от лампы на стене...
 Удушающий, сладковатый запах ее духов «Амори», смешанный с его родным, древесным одеколоном...
 Их запах. Их общий, греховный, предательский запах. Он висел в комнате тяжёлым, неподвижным маревом, заставляя меня давиться.

Я почувствовала, как подкашиваются колени, а к горлу подкатила тошнотворная слабость. Руки стали ледяными, пальцы онемели. Я ждала, что закричу, что рухну, что кинусь на них с кулаками. Но моё тело не слушалось. Оно было парализовано всепоглощающим, животным ужасом от осознания: это не сон. Это жестокая, неприкрытая реальность. Моё самое страшное предательство, разложенное передо мной на кровати моей лучшей подруги. И самое ужасное - в этой картине была чудовищная, постыдная интимность, которую я чувствовала каждой клеткой своего осквернённого тела.

Мои ноги сами попятились. Один шаг. Еще один. Пол скрипнул под босой пятой. И этот звук будто ударил Наталью по лицу - ее веки дрогнули, глаза открылись.

Наши взгляды встретились.

В ее карих глазах мелькнула паника. Чистейшая, животная. Но через мгновение ее сменило что-то другое - расчётливое, острое, почти торжествующее. А потом - густая, приговорная жалость. Она даже не пошевелилась. Не убрала свою руку с его спины. Только ее губы сложились в слабое, призрачное «ой...».

Этого было достаточно.

Я развернулась и пошла. Не побежала. Просто пошла, как автомат, отдавая телу единственную команду: «Вон. Немедленно вон». Шаг. Другой. Третий. Рука сама нащупала в пустоте сумку, куртку.

- Юль... подожди...

Дорогие читатели, если вам нравится мой роман, подписывайтесь, забирайте в библиотеку и ставьте звездочку, а также пишите комментарии. Я очень ценю ваше мнение, а звездочки очень радуют авторов!!!

Глава 1. Юля

Я перебирала лоскуты ткани, и от одного прикосновения к ним по коже бежали мурашки. Это же для нашей свадьбы. Для самого важного дня.

- Ну что, советчик, помогай! - я ткнула пальцем в оба варианта, и внутри всё трепетало от волнения. - Для подушечки под кольца. Я же не могу ошибиться в таком стратегически важном вопросе!

Наташа лениво потянулась на своём диване. В её безупречной гостиной я всегда чувствовала себя простушкой, но сейчас мне было не до того. Моё счастье было таким огромным, что заполняло собой всё пространство, делая его теплее и уютнее.

- Шифон, конечно, - сказала она, прищурившись. - Он воздушный, романтичный. Атлас - это уже слишком пафосно. Будто ты не замуж выходишь, а на коронацию идёшь.

- Шифон! - вырвалось у меня, и я, смеясь, прижала нежный отрез к щеке. Он был таким мягким, таким невесомым! - Я же знала, что нужно спросить тебя! Ты всегда всё чувствуешь.

Она улыбнулась своей идеальной улыбкой. Мне вдруг страстно захотелось, чтобы она поделила мою радость. Не просто кивала из вежливости, а почувствовала то же самое ликование, что переполняло меня.

- Ну, конечно, чувствую. Кому, как не мне, знать, что тебе идёт. Так, показывай, что там ещё в своём волшебном сундучке притащила?

Я с восторгом, с трепетом, будто святыню, вывалила на стол содержимое своей большой сумки. Каждая бумажка, каждый образец был наполнен смыслом и любовью.

- Смотри! - я ткнула в распечатку, и палец дрожал от переполняющих меня эмоций. - Это тот самый фотограф! Мы с Сашей вчера с ним встретились... Я чуть не расплакалась от красоты! Он так ловит моменты...

- Моменты, - протянула Наташа, бегло просматривая листок. - Да, мило. Дорого очень, кстати.

- Но оно того стоит! - выдохнула я, и голос задрожал от переполнявших меня чувств. Сердце колотилось, выстукивая ритм: «свадь-ба, свадь-ба». - Это же на всю жизнь! А вот послушай, что он придумал для выкупа!..

И я понеслась. Слова лились рекой, горячие, сбивчивые, перескакивая с одной мысли на другую. Я рассказывала о Сашкиной трогательной растерянности у витрины с кольцами, о нашем смешном споре из-за торта, о том, как мы хохотали на кухне, разучивая танец. Мне хотелось, чтобы она услышала не просто факты, а ощущение - тот тёплый, солнечный комочек счастья, что сидел во мне и не давал спокойно дышать.

Я светилась изнутри. Мне казалось, это свечение должно быть видно невооружённым глазом, что оно отражается в

блестящих поверхностях её столиков, освещает её лицо.

- ...и представляешь, он вчера вечером... - я наклонилась к ней, понизив голос до счастливого, заговорщического шёпота, - обнял меня сзади, пока я сушила волосы, и прошептал: «Я, кажется, самый счастливый человек на планете». И у него голос дрожал. Понимаешь? Дрожал!

Я подняла на неё сияющие глаза, полные слёз умиления, и вдруг поймала её взгляд. Она смотрела не на меня, а как бы сквозь меня, и в глубине её карих зрачков было что-то холодное, отстранённое, словно она считала узоры на обоях за моей спиной.

Но лишь на секунду. Она моргнула, и на её лице снова расплылась привычная, одобрительная улыбка.

- Как мило, - произнесла она, и её голос прозвучал... ровно. Слишком ровно и гладко, как отполированный камень. - Он у тебя действительно романтик. Прямо с открытки.

- Он не романтик, он настоящий! - поправила я её, с энтузиазмом возвращаясь к своим бумагам. Лёгкая тень недоумения скользнула по душе, но я тут же отмахнулась от неё. - Ой, Натусь, я вот всё переживаю, как бы мне не расплакаться в загсе. У меня же тушь потечёт, я буду похожа на панду!

- купишь водостойкую, - она пожала плечами. Её совет был правильным, но в нём не было ни капли того тепла, той эмоции, которую я так жаждала разделить. - Или не плачь. Держи себя в руках. Это всего лишь свадьба.

- Всего лишь? - рассмеялась я, но смех прозвучал чуть на-

пряжённее. - Да это же самое главное событие в моей жизни!

- Пока что, - загадочно улыбнулась она и потянулась за телефоном. Её движение было чётким, отрезающим. - Ладно, показывай ещё свои сокровища. Ты же ещё не всё выложила, я знаю.

И я, с лёгким уколом разочарования под ложечкой, который тут же потонул в море моего счастья, продолжила показывать ей засушенный цветок и смешную открытку. Я так хотела верить, что она со мной. Что её холодность – это просто игра, её стиль. Я вкладывала в каждое слово всю свою любовь и доверие

Глава 2. Наташа.

Я улыбалась. Чувствовала, как мышцы на лице неестественно напряжены, будто кто-то натянул их на каркас из проволоки. А внутри всё закипало. Каждый её восторженный вздох, каждое её «Саша сказал...» впивалось в меня, как отравленная игла.

«Заткнись. Просто заткнись уже. - слова бились в висках навязчивым, ядовитым ритмом. - Хватит совать мне в лицо своё убогое счастье. Ты даже не понимаешь, какое сокровище держишь в руках. Ты его не заслуживаешь».

- Шифон! - взвизгнула она, и её голос прозвучал для меня как скрежет по стеклу. - Я же знала, что нужно спросить тебя!

Я сделала глоток вина, пытаясь смыть ком жгучей горечи, подступивший к горлу. Оно казалось мне сейчас уксусом.

- Ну, конечно, чувствую. Кому, как не мне, знать, что тебе идёт, – выдавила я, и голос прозвучал прилично, лишь чуть хриплее обычного. Мне. Это должно было идти мне. Его руки, его низкий смех, его утренние SMS – всё это по праву должно было быть моим.

И вот, эта... эта девочка вывалила на мой идеальный стол свою коллекцию дешёвых надежд. Бумажки. Глупые распечатки. Засушенный цветок, давно превратившийся в труху. Как она смеет? Как она смеет думать, что это хоть что-то

значит по сравнению с НИМ?

Я слушала её болтовню, и внутри всё сжималось в тугую, болезненный узел. Знакомая, старая злость. Та, что грызла меня с тех пор, как помню себя. В школе она всегда была милее, добрее, любимее. А теперь... теперь у неё был ОН. Самое ценное.

– ...и у него голос дрожал. Понимаешь? Дрожал!

Понимаю. Отлично понимаю. Я бы заставила его дрожать по-другому. От страсти, а не от дурацкого умиления. Ты не знаешь, чего он хочет на самом деле. Ты видишь только розовых пони и замки из воздушных шариков.

- Как мило, - прозвучал мой собственный голос, плоский и безжизненный. Автоматическая реакция. Внутри же бушевал ад. Он не романтик с открытки, ты дура! Он мужчина! С кровью и плотью, с желаниями, которые ты никогда не удовлетворишь!

Пальцы сами сжали ножку бокала так, что костяшки побелели. Я смотрела на её сияющее, наивное лицо, и мне хотелось закричать. Выложить всё. Выплеснуть ей в лицо: «Он мой! Я хочу его! Я всегда его хотела! Ты - просто помеха, которую нужно убрать!»

Но я не могла. Вместо этого мои губы растянулись в ещё более сладкой, ещё более фальшивой улыбке.

- Это всего лишь свадьба, - сказала я, и каждое слово было похоже на глоток раскалённого песка.

«Всего лишь ад, - поправил мой внутренний голос. - Всего

лишь конец света. Твой конец света, Ната, если ты ничего не сделаешь.»

- Пока что, - добавила я, и в этих двух словах был весь мой леденящий прогноз. Пока что он с тобой. Пока что он обманывается. Но это ненадолго.

Я взяла в руки телефон, делая вид, что проверяю сообщение. Экран был чёрным. Я просто не могла больше на это смотреть. На её «сокровища». На её веру. На её любовь, которую она так глупо выставила напоказ, как дешёвую бижутерию.

План. Мне нужен был чёткий, холодный, безжалостный план. Как я сама. Время ещё было. Нужно было найти слабое место. В нём. В их отношениях. Пригласить. Поговорить. Посмотреть в глаза. Дать понять то, что я никогда не скажу словами. Он почувствует. Он должен почувствовать силу моего желания, моей страсти, рядом с которой её восторженная влюблённость - просто детский лепет.

Я подняла глаза на Юлю, которая с дурацкой нежностью разглядывала какую-то открытку. И в этот момент ярость отступила, сменившись ледяной, абсолютной ясностью.

«Хорошо, – подумала я, и мой внутренний голос зазвучал собранно и остро. – Ты так кичишься своим счастьем, Юлечка... Скоро я собою с тебя спесь. Совсем скоро... Саша будет моим, он поймёт, что только я достойна его...»

Я поставила бокал на стол с тихим, решительным щелчком.

- Ладно, показывай ещё свои сокровища. Ты же ещё не всё выложила, я знаю, - сказала я, и в голосе самой почувствовала возвращение тех тёплых, дружеских ноток. Искусных. Безупречных.

Снаружи - всё та же Наташа. Внутри - уже другая. Та, что не остановится ни перед чем.

Визуализация Юля

Дорогие читатели, я хочу познакомить вас с нашими героями. Зная их поближе, я думаю, читать будет гораздо интереснее.

Юлия Ивановна Котова, 25 лет, шатенка с серыми глазами, красивая, счастливая невеста, выходит замуж за Александра Викторовича Горина, по большой любви. Юля из простой семьи, не привыкшая к роскоши. Роскошь видит только в квартире лучшей подруги Наташи.

Работает в сфере дизайна, делает проекты дизайна квартир. Добрая, веселая, искренняя, и искренне верит, что её окружают такие же люди.

Визуализация Наталья

Наталья Сергеевна Артемьева, 25 лет, лучшая подруга Юли, не смотря на различное социальное положение. Дружат с детства. Наташа из богатой семьи, избалована, привыкла получать всё, что хочет. Красивая, стройная, завидует лучшей подруге, потому что всегда той доставалось больше внимания, а теперь лучший парень - жених Юли. Она хочет, чтобы Саша был с ней, но он не проявляет к Наташе никакого интереса.

Глава 3. Саша.

Припарковавшись у знакомого подъезда, я заглушил двигатель и посмотрел на освещённые окна Наташиной квартиры. В салоне ещё пахло дождём и свежестью с улицы, но внутри у меня было по-летнему тепло и светло. Как всегда, когда я ехал за ней.

Дверь открыла Наташа. Улыбка во все тридцать два зуба, идеальный макияж, домашний, но оттого не менее шикарный халат.

- Саш, привет! Заходи! - она сделала широкий, гостеприимный жест. - Мы тут как раз с Юлькой вино распиваем. Присоединяйся!

- Да я ненадолго, за Юлей, - улыбнулся я, переступая порог. И сразу же увидел её.

Она сидела на диване, поджав под себя ноги, в своих смешных носочках с котиками. В руках - бокал, щёки порозовели, глаза сияли, как два изумруда. Моя Юля. Моя невеста.

Боже, она прекрасна. Смотрится тут, как драгоценный камень в оправе из хрусталя и позолоты. Настоящая. Живая.

- Сашенька! - её лицо озарилось такой радостью, что у меня ёкнуло сердце. - Ты уже здесь! Я же говорила, что скоро!

- Не мог долго без тебя, - отозвался я, и это была чистая правда. Каждая минута вдали от неё - потеря времени. -

Привет, красавица.

Я подошёл, наклонился и поцеловал её в макушку. Пахло её шампунем, вином и чем-то неуловимо родным - ею.

- Ну что, как обсуждение? Подушечку для колец всё-таки победили? - подсел я рядом, обняв её за плечи.

- Шифон! - объявила она с торжествующим видом и показала на лоскуток на столе. - Наташа сказала, что атлас - это пафосно.

- Наташа права, - кивнул я, хотя мне было абсолютно всё равно, из чего будет эта подушечка. Лишь бы она была счастлива. Лишь бы этот день настал скорее.

- Конечно, права, - Наташа тем временем налила мне бокал вина и протянула его. Её пальцы слегка коснулись моих, холодное стекло бокала контрастировало с теплотой её кожи. - Я всегда права в вопросах вкуса. Не так ли, Саш?

Она посмотрела на меня чуть вызывающе, с лёгкой усмешкой. Я вежливо улыбнулся, приняв бокал.

- Спорить не буду, - дипломатично ответил я и сразу же перевёл взгляд назад на Юлю. Слишком пристальный взгляд. Наверное, просто кажется. Она всегда такая... настойчивая.

- Спасибо, Ната, - сказал я просто чтобы что-то сказать, и сделал маленький глоток. Вино было терпким, дорогим.

- Ну как, жених? Готов к своему главному дню? - не унималась Наташа, устраиваясь напротив нас в кресле. Она наблюдала за нами, как зритель в театре.

- Больше чем готов, - я не смог сдержать улыбку и посмот-

рел на Юлю. Она прижалась ко мне, и я почувствовал, как по моей спине пробежали мурашки. - Кажется, я уже начал отсчёт секунд.

- Ой, прекратите вы! - засмеялась Юля, но её глаза сияли.
- Ты же ещё испугаешься и сбежишь!

- Никуда я не сбегу, - я поцеловал её в висок, забыв обо всём на свете. О Наташе, о вине, об этом чужом доме. Был только её запах, её тепло и оглушительная тишина в душе, которую заполняло одно единственное чувство. - Ты моя. Официально и навсегда. Я этого жду больше, чем ты можешь представить. Я жду момента, когда назову тебя своей женой. Жду, когда мы останемся одни после всего этого шума, и я смогу просто обнять тебя и сказать, что всё получилось идеально. Потому что ты у меня есть.

- Вы просто идеальная пара, - голос Наташи прозвучал немного громче, чем нужно. Она допила своё вино и встала. - Прямо с обложки. Поздравляю, Саш, ты настоящий счастливчик.

В её тоне было что-то... колючее. Словно она вкладывала в эти слова не совсем тот смысл, что был на поверхности. Но я отмахнулся от этой мысли. Паранойя. Просто устал.

- Я знаю, - искренне сказал я, не отрывая глаз от Юли. - Я самый везучий человек на свете.

Наташа что-то ещё сказала про торт или цветы, я уже не вслушивался. Я утонул в зелёных глазах своей невесты, в её счастливой улыбке. Всё остальное было фоном. Шумом.

- Ладно, мне пора, - наконец поднялся я, прерывая её очередной рассказ о бантах. - Завтра рано вставать, ещё договорились с декоратором встретиться.

- Уже? - надулась Юля, но её глаза смеялись.

- Уже, котёнок. - Я взял её за руку и помог подняться. - Поехали домой.

Пока она собирала свои вещи, Наташа стояла в дверном проёме, всё с той же застывшей улыбкой.

- Заезжайте ещё, - сказала она. Её взгляд скользнул по мне, быстрый, оценивающий. - Всегда рада.

- Спасибо за вино, - кивнул я, стараясь быть просто вежливым. Её взгляд почему-то заставил меня почувствовать себя неловко, будто я что-то сделал не так. Странно.

- Пока, Ната! Спасибо за совет! - крикнула Юля, уже надевая пальто.

Я взял её за руку, и мы вышли на лестничную площадку. Холодный воздух ударил в лицо, но внутри по-прежнему было тепло.

- Она сегодня какая-то... странная, - заметила Юля уже в лифте.

- Кто? Наташа? - я пожал плечами, нажимая кнопку первого этажа. - Не заметил. Нормальная. Просто устала, наверное.

"Неважно. Совсем неважно. - думал я, прижимая её к себе в тесной кабине лифта. - Главное - ты. Ты и наша свадьба. Всего два дня."

Я был абсолютно счастлив. И абсолютно слеп.

Визуализация Саша

Александр Викторович Горин, 28 лет, шатен, спортивный, этичный, спокойный. Счастливый жених, женится на Юлии Ивановне Котовой, которую очень любит. На других девушек даже не смотрит. Простой парень, из небогатой семьи, сам работает и зарабатывает, не надеясь на чью - то помощь. Работает ветеринаром, любит животных. Обаятельный, внимательный, добрый.

Глава 4. Юлия

Проснулась я от того, что по щеке скользнул теплый солнечный зайчик. Я зажмурилась, потянулась, как котенок, и уткнулась носом в его спину. Он пах сном, теплом и чем-то неуловимо своим, родным. Сашин запах. Запах моего дома.

– Ммм... Котова, это что? – его голос был низким, хриплым от сна. Он повернулся, и я тут же пристроилась на его плече, в идеальной выемке, созданной специально для моей щеки.

– Это я проверяю, не испарился ли мой жених, – прошептала я, запуская холодные пальцы ему под майку. – Вдруг приснился?

Он вздрогнул и фальшиво взвизгнул, поймав мою руку.

– Агрессивная ты сегодня. И холодная. – Он прижал мою ладонь к своей груди, к ровному, сильному стуку сердца под ней. – Вот, грейся. Бесплатно.

Я рассмеялась и открыла глаза. Его лицо было рядом – доброе, немного помятое, с смешинками в уголках глаз. Сашино лицо. Самое любимое лицо на свете.

– Всего два дня, – прошептала я, проводя пальцем по его губам. – И я официально стану Юлией Гориной. Звучит?

– Звучит как совершенство, – он перевернулся на бок, обняв меня, и мы лежали, уткнувшись носами друг в друга, дыша одним воздухом. – Ты не передумала? Никуда не сбе-

жишь? Скажешь «да»?

– Только если ты сам не сбежишь от меня к более аккуратной невесте. Такая, которая носки по парам сортирует, а не разбрасывает по всей квартире, – я подмигнула ему.

– Ну уж нет. Я привык к твоему творческому беспорядку. Это как естественная среда обитания. Без него скучно, – он поцеловал меня в кончик носа, потом в губы. Долго, нежно, без спешки.

Вставали мы под песню, которую Саша заявил нашим первым свадебным танцем. Крутились по кухне, как два неуклюжих медвежонка, толкаясь у раковины. Он готовил яичницу, я – кофе. На столе царил привычный хаос из свадебных каталогов, образцов тканей и счётми.

– Знаешь, чего я боюсь больше всего? – сказала я, обмакивая кусочек хлеба в желток.

– Что я опоздаю в загс? – нахмурился он.

– Нет. Что я расплачусь от счастья прямо у алтаря. И тушь потечёт. И я буду похожа на панду-носатику.

Он рассмеялся, такой звонкий и заразительный смех, что я не удержалась и тоже засмеялась.

– Юль, ты можешь быть похожа на кого угодно. На пуделя, на енота, на выдру... Ты всё равно будешь самой красивой. И я буду самым счастливым парнем на планете. Обещаю.

Он обнял меня за плечи, и я прижалась к его груди, слушая это самое уверенное сердцебиение на свете. Я чувствовала его тепло через тонкую ткань футболки, чувствовала

его крепкие руки вокруг себя. Это был мой мир. Моя опора. Мой Саша. Честный, надёжный, свой.

— Я тебя люблю, — выдохнула я, и это было так же естественно, как дышать.

— Я тебя больше, — ответил он, целуя меня в макушку.

Перед выходом я задержалась в прихожей. На полке лежали свадебные конверты, на холодильнике висел распечатанный счёт из загса. Я провела пальцами по конверту с надписью «Саша + Юля». Простое совпадение имен, ставшее самой большой удачей в моей жизни.

Я поймала свое отражение в зеркале. Сияющие глаза, растрепанные волосы, глупая, счастливая улыбка до ушей. Я не была идеальной. Но я была любимой. И завтра, всего через один день, это станет официальным. Навсегда.

«До завтра, — подумала я, выходя из квартиры и поворачивая ключ в замке. — До самой лучшей поры в моей жизни».

Я была абсолютно счастлива. И абсолютно слепа. Я не знала, что эта дверь захлопнулась не только за мной, но и за всей моей прежней, наивной жизнью. А впереди меня ждал не загс, а комната моей лучшей подруги, где мое счастье должно было разбиться вдребезги. Но пока я этого не знала. Пока я просто шла по улице, а в кармане звенел телефон Наташи, приглашающий меня в гости. Обсудить последние детали перед свадьбой.

Глава 5. Наташа.

Я смотрела на экран своего телефона, проводя пальцем по холодному стеклу. Контакты. Юля. Саша. Два имени, которые сейчас значат для меня всё. Два ключика к двери, за которой лежит то, что я хочу. То, что должна получить.

Сначала - ей. Нужно быть очень осторожной. Очень милой. Чтобы не заподозрила, не поняла.

Я сделала глубокий вдох, выдавила на лицо самую тёплую, самую беззаботную улыбку - ту, что тренировала перед зеркалом, - и нажала на вызов.

Трубку взяли почти сразу.

- Ната! Привет!

Её голос звенел от счастья. Этот звон резал мне слух, как ножом. Успокойся, дурёха. Твоему счастью осталось ровно сутки, даже меньше.

- Юль, солнце! - мои интонации были сладкими, как сироп. - Ты как? Не устала от предсвадебной суеты?

- Да я вся в предвкушении! - она захлебнулась словами. Конечно, вся в предвкушении. Наивная. - Столько всего ещё сделать нужно!

- Вот-вот! - подхватила я. - Поэтому я и звоню. Заезжай ко мне сегодня, часов в семь. Обсудим оставшиеся мелочи. У меня тут кое-какие идеи насчёт рассадки гостей и оформления появились. И вино хорошее есть.

- Ой, а Саша? Мы с ним хотели...

- Саша потом присоединится! - быстро парировала я, не давая ей договорить. Ни за что. Он придёт ко мне один. - Я ему потом позвоню, скажу. Ладно? Ты приезжай. По-девичьи посидим.

Она легко согласилась. Почти завизжала от восторга. Как же ты предсказуема, Юлечка. И так же глупа.

Я бросила телефон на диван и прошлась по гостиной. Сердце билось часто - часто, но не от волнения, а от предвкушения. Холодного, чёткого, как у хищницы, затаившейся в засаде.

Теперь - ему. Это будет сложнее. Нужно найти правильные слова. Сыграть на его любви к ней.

Я снова взяла телефон. На этот раз мои пальцы дрожали - но не от страха, а от адреналина. Я нашла его номер. «Саша». Я проговорила это имя про себя, ощущая его вкус на губах. Скоро он будет принадлежать мне.

Он ответил после второго гудка.

- Наташа? Привет. Что-то случилось?

- Привет, Саш, - я сделала свой голос немного взволнованным, но не паникующим. Игривым. - Всё в порядке! Точнее, не совсем. Мне нужна твоя помощь. Срочно и секретно.

- Секретно? - он насторожился. Я слышала, как в его голосе появилась лёгкая улыбка..

- Это насчёт сюрприза для Юли! - понизила я голос до конспиративного шёпота. - Но без тебя мне не справиться.

Можешь заехать ко мне пораньше? Часов в пять? Обсудим, подготовим всё, а потом, в семь, к нам сама виновница торжества подъедет, и мы всё ей и презентуем!

Я затаила дыхание, мысленно прокручивая все возможные варианты его отказа. Но он клюнул. Конечно, клюнул. Ради неё.

- Сюрприз? - он рассмеялся. - Наташ, ты же знаешь, я в этом не очень... Но ладно, уговорила. Приеду в пять. Только чтоб она правда обрадовалась.

- Обрадуется! - пообещала я сладким голоском. О, она точно получит тот сюрприз, которого не ожидает. - Обещаю, это будет незабываемо. До встречи, Саш!

Я положила трубку и медленно выдохнула. Всё. Ловушка захлопнулась.

План рождался в голове сам, ясный и безупречный. Он придёт. Я предложу ему чаю, пока будем «обсуждать сюрприз». В чай - несколько капель того самого сильного снотворного, что мне выписывали после стресса. Он не уснёт сразу, просто станет очень сонным, расслабленным, податливым. Я уговорю его прилечь на кровать «на пять минут», пока я что-то там доделаю. Потом... потом всё будет просто.

Раздеваю его. Раздеваюсь сама. Укладываюсь рядом. Жду. Юлия войдёт, как обычно, без стука. И увидит нас. Свою лучшую подругу и своего жениха в одной постели. Спящих. Беспомощных. Обнажённых.

Она не станет ничего выяснять. Она не станет кричать.

Она просто... сломается. Её идеальный мир рухнет в одночасье. А он... он проснётся уже здесь, в моей постели, с жуткой головной болью и непониманием. И я буду рядом. Я буду его утешать. Объясню, что он сам ко мне пристал, что был не в себе, что он всё испортил. Он будет чувствовать себя таким виноватым, таким растерянным... И ему будет нужна опора. Понимающая, всепрощающая опора. То есть - я.

Он будет мой. Они оба будут моими. Он - физически. Она - морально, как поверженный враг.

Я подошла к зеркалу и посмотрела на своё отражение. Идеальные черты, безупречный макияж, дорогой халат. Всё лучше, чем у неё. Всё качественнее. Я всегда была лучше. Просто он этого не замечал. Скоро заметит.

Уголки моих губ поползли вверх, складываясь в улыбку. Холодную, безжалостную, победную.

- До встречи, Саш, - прошептала я своему отражению. - Скоро ты поймёшь, кто твоя настоящая пара.

Глава 6. Юля.

Дверь была приоткрыта, как всегда, когда Наташа ждала меня. Этот маленький знак нашего доверия, нашей многолетней дружбы - просто войти, без стука. Я переступила порог, вся наполненная легким предвкушением вечера, запахом дождя на своём пальто и сладковатым ароматом только что испечённого печенья из чьей - то квартиры.

- Наташа? Я тут! - крикнула я, скидывая туфли и оставляя их у знакомой этажерки.

В ответ - тишина. Глубокая, звенящая, неестественная. Лишь приглушённый, монотонный гул телевизора доносился из-за двери её спальни.

- Ната? - позвала я уже тише, и по моей спине пробежали лёгкие мурашки. Босые ноги сами понесли меня по теплому паркету на звук.

Я толкнула дверь. И мой мир взорвался.

Не разлетелся на осколки. Он рассыпался в мелкую, острую пыль, которая въелась мне в глаза, в горло, в самое нутро. В лёгкие. Мне нечем было дышать.

Два тела. В ее постели. Безмятежные, спящие. Переплетенные ноги, запутанные в шелковых простынях. Белоснежная ткань, сброшенная на пол, как немой свидетель близости. И спина. Мужская спина. Та самая. Я узнала бы ее из тысячи - каждую родинку, каждый рельеф мышц, который я

так любила ощущать под пальцами. Моя святыня. Моя частная вселенная. И на ней - тонкая, изящная, хищная рука с идеальным маникюром цвета кровавого рубина. Рука моей лучшей подруги. Она лежала там по-собственнически, словно так и должно было быть.

Воздух вырвался из моих легких с тихим, свистящим звуком. В ушах зазвенела абсолютная, оглушающая тишина, сквозь которую я слышала только бешеный стук собственного сердца, готового разорвать грудную клетку.

Я замерла. Ледяной ужас сковал меня, вморозил ступни в пол. Мой мозг, отчаянно пытаюсь защититься, выхватывал обрывки, яркие и бессвязные, выжигая их на сетчатке:
Алый, как свежая кровь, лак на этих отточенных ногтях...
 Знакомая родинка на левой лопатке, которую я целовала вчера вечером...
 Причудливые, пляшущие тени от лампы на стене...
 Удушающий, сладковатый запах ее духов «Амори», смешанный с его родным, древесным одеколоном...
 Их запах. Их общий, греховный, предательский запах. Он висел в комнате тяжёлым, неподвижным маревом, заставляя меня давиться.

Я почувствовала, как подкашиваются колени, а к горлу подкатила тошнотворная, кислая слабость. Руки стали ледяными, пальцы онемели. Я ждала, что закричу, что рухну, что кинусь на них с кулаками. Но моё тело не слушалось. Оно было парализовано всепоглощающим, животным ужасом от осознания: это не сон. Это жестокая, неприкрытая ре-

альность. Самое страшное предательство, разложенное передо мной на кровати моей лучшей подруги. И самое ужасное - в этой картине была чудовищная, постыдная интимность, которую я чувствовала каждой клеткой своей осквернённой души и тела.

Мои ноги сами попятились. Один шаг. Еще один. Пол скрипнул под босой пяткой. И этот звук будто ударил Наталью по лицу - ее веки дрогнули, глаза открылись.

Наши взгляды встретились.

В ее карих глазах мелькнула паника. Чистейшая, животная. Но через мгновение ее сменило что-то другое - расчетливое, острое, почти торжествующее. А потом - густая, притворная жалость. Она даже не пошевелилась. Не убрала свою руку с его спины. Только ее губы сложились в слабое, призрачное «ой...».

Этого было достаточно.

Я развернулась и пошла. Не побежала. Просто пошла, как автомат, отдавая телу единственную команду: «Вон. Немедленно вон». Шаг. Другой. Третий. Рука сама нащупала в пустоте сумку, куртку.

- Юль... подожди... - донесся из спальни ее шепот. Притворно - испуганный, липкий, фальшивый до тошноты.

Я уже не слышала. Я вышла на площадку, и дверь захлопнулась за мной с тихим, окончательным щелчком. Он прозвучал в моих ушах громче любого хлопка. Громче любого крика. Это был звук, которым захлопнулась моя прежняя

ЖИЗНЬ.

Глава 7. Саша.

Сознание возвращалось медленно. Первым делом - адская боль в висках. Тупая, раскатистая, будто кто-то бил по черепу изнутри тяжелым молотом. Я застонал, пытаюсь приподнять веки. Они были свинцовыми.

Сухость во рту была такой, что язык казался чужим, присохшим к нёбу. Я попытался сглотнуть - безрезультатно. Тело ломило, оно было тяжёлым, ватным, непослушным.

И запах.

Я все ещё с закрытыми глазами почувствовал его. Сладковатый, удушающе -цветочный. Духи. Но не её. Не Юлины лёгкие, свежие духи с ноткой цитруса. Это был что-то тяжелое, пряное, знакомое и... чужое.

Мозг, затуманенный болью, лихорадочно пытался сообразить, где я. Не в своей же постели. Матрас другой, слишком мягкий. Воздух другой. Посторонний шелест за окном.

Я заставил себя открыть глаза.

Люстра. Хрустальная, вычурная. Я видел её один раз, на дне рождения... У...

У Наташи.

Ледяная волна ужаса прокатилась по спине. Я резко, слишком резко повернул голову, и мир поплыл. Рядом, под шелковым одеялом, спала она. Растрёпанные волосы разметались по подушке. На её плече красовалось маленькое ро-

димое пятнышко, которое я...

Нет. Не я. Это не я.

Я отпрянул, как от огня. Простыня запуталась между ног. Я был голый. Совершенно голый. А она... Тоже.

Что? Как? Почему?

Память отчаянно рылась в закоулках сознания, вытаскивая лишь обрывки. Чай. Мы пили чай у неё на кухне. Я заехал за Юлей, она предложила подождать, пока та подъедет. Юля задерживалась. Чай с каким-то странным, горьковатым привкусом. Я тогда пошутил... А потом... Провал. Абсолютная, чёрная дыра.

Боже, нет. Нет - нет - нет - нет - нет.

Сердце заколотилось где-то в горле, бешено, неровно, грозя выпрыгнуть из груди. Я с трудом отодвинулся, стараясь не дотрагиваться до неё, не разбудить. Каждое движение отдавалось новой волной тошноты. Я сел на край кровати, опустив голову в ладони. Холодный пот выступил на спине.

Юля. Где Юля? Она же должна была... Она приходила сюда? Она видела нас?

Что я наделал? Что я, сволочь, наделал?

Я поднял глаза на спящую Наталью. На её руку, брошенную на место, где только что лежал я. И тихая, бессильная ярость подступила к горлу. Она. Это она что-то сделала. Подсыпала. Подстроила. Не может быть иначе! Я бы никогда... Никогда!

Я вскочил, начал лихорадочно искать свою одежду. Джин-

сы валялись на стуле, рубашка - на полу, вся помятая. Я натягивал их, спотыкаясь, пальцы не слушались, плохо попадали в петли.

Она пошевелилась. Издавала сонный вздох и открыла глаза. Увидела меня. И улыбнулась. Томной, довольной, победной улыбкой.

- Сашенька... - её голос был хриплым от сна. - Ты уже поднялся...

- Что... - мой собственный голос звучал чужим, хриплым, разбитым. - Что это было, Наталья? Что ты со мной сделала?

Она приподнялась на локте, прикрываясь одеялом. В её глазах не было ни капли удивления. Только расчётливая усмешка.

- Что значит - сделала? - она наиграно изобразила большие глаза. - Всё было прекрасно. Ты был таким страстным...

- Враньё! - я крикнул, и боль в висках усилилась. - Я ничего не помню! Ни-че-го! Ты что-то подсыпала мне! Дрянь!

Я видел, как её глаза сузились. Маска наивности сползла, обнажив холодную злость.

- Как тебе не стыдно? Сам набросился, а теперь ищешь крайних? Не помнишь, потому что много пил!

- Я не пил! - рявкнул я, застёгивая ремень. - Я был за рулём! Я пил твой чай! Твой грёбаный чай с дурным послевкусием!

Я шагнул к кровати, сжимая кулаки. Мне хотелось схватить её, трясти, выбить правду.

- Юля... - выдохнул я. - Она была здесь. Да?

Взгляд Натали изменился. В нем вспыхнуло что-то острое, жестокое, голодное.

- Ага, - она кивнула, и её губы растянулись в безобразной пародии на улыбку. - Была. Застала нас вот в таком... радужном виде. Ты сладко так посапывал.

Мир рухнул окончательно. Почва ушла из-под ног. Я схватился за спинку стула, чтобы не упасть.

- И... - я сглотнул ком в горле. - И что?

- А что? - она пожала плечами, играя с прядью волос. - Увидела. Поняла всё без слов. И ушла. Даже не попрощалась.

Я закрыл глаза. Перед ними встал её образ. Её глаза, полные ужаса и боли. Её спина, уходящая от меня. Навсегда.

Я не помнил самого предательства. Но я видел его последствия. Я чувствовал его на своей коже, впившимся в меня чужим запахом. Я знал, что это навсегда.

Я развернулся и, не говоря больше ни слова, пошёл к выходу. Она что-то кричала мне вслед, но я уже не слышал. В ушах стоял оглушительный звон. Я вышел на площадку, и дверь захлопнулась за мной.

Я спустился по лестнице, опираясь на стены. Вышел на улицу. Утренний воздух был холодным и колючим. Я остановился посреди двора и поднял лицо к небу. Шёл мелкий, противный дождь.

Сегодня должен был быть самый счастливый день в моей жизни. Завтра - моя свадьба.

А я стоял, весь пропахший чужими духами и своим собственным предательством, и понимал, что всё кончено.

Глава 8. Юля.

Дверь захлопнулась за мной с тем самым щелчком, который отрезал меня от прошлой жизни. Я стояла в пустой квартире, прислонившись спиной к холодной деревянной поверхности, и не могла дышать. Воздух не поступал в легкие, будто кто-то туго перетянул мне горло веревкой.

Тишина. Та самая, оглушающая, после взрыва тишина. А потом внутри всё закричало. Не звуком, а визгом разрываемой плоти. Картинка - он, она, их переплетённые тела - стояла перед глазами, жгла сетчатку. Я зажмурилась, но от этого стало только хуже. Я видела всё с пугающей чёткостью: родинку на его лопатке, алый лак на её ногтях.

Дом. Мне нужно собрать вещи. Уйти. Сейчас.

Я оттолкнулась от двери и побрела по коридору, как сомнамбула. Мои движения были механическими, резкими. Я не думала, что брать. Руки сами хватали первое попавшееся из шкафа: джинсы, футболки, свитер. Я не смотрела на них. Видеть его майки, висящие рядом, было невыносимо. Я сгрэбла охапку своей одежды и понесла к сумке, стоявшей посреди комнаты. Большой, дорожной, купленной для медового месяца.

Медовый месяц. О, Боже. Мы должны были лететь в Италию.

Истерический смешок вырвался из моего горла и превра-

тился в рыдание. Я зажала рот ладонью, давясь слезами. Нет. Плакать нельзя. Плакать - значит чувствовать. А я не имела права на чувства. Они были слишком сильными, они убьют меня на месте.

Я продолжила собираться. Зубная щётка. Крем для лица. Книга на прикроватной тумбочке. Моя половина. Его половина была пуста. Я схватила нашу общую фотографию в рамке - мы смеёмся, прижавшись щеками друг к другу, - и с силой швырнула ее об стену. Стекло брызнуло осколками, улыбающиеся лица исказились трещинами.

Так лучше. Так и должно быть.

Я открыла его комод и стала выбрасывать его вещи на пол. Носки, боксеры, ремни. Всё, что пахло им. Каждый предмет был как нож в сердце.

Забирай своё. И забирай себя. Уходи.

Я сказала ему это. И теперь говорила сама себе.

Когда сумка была забита под завязку, я огляделась. Квартира, которая ещё утром была наполнена светом и смехом, теперь выглядела как поле боя. Разбросанные вещи, осколки стекла, моё счастье, размазанное по грязному полу.

Я выключила свет и вышла, не оглядываясь. Спуск на лифте, выход на улицу. Ночной воздух обжёг лицо. Я закинула сумку в багажник, села за руль и поехала, не зная куда. Просто ехала, пока глаза не начали слипаться от усталости и шока.

Я нашла первую попавшуюся гостиницу у трассы. Безли-

кую, дешёвую. Девушка на ресепшене сонно протянула мне ключ - карту. Номер был маленьким, пропахшим сигаретами и отчаянием. Я упала на жёсткую кровать, не раздеваясь, и провалилась в чёрную пустоту без снов. Не сон, а отключка. Тело отказывалось чувствовать, мозг - мыслить.

Утро наступило серое и безразличное. Я проснулась с ощущением тяжёлой гири на груди. Первая мысль - где я? Вторая - память. Она накатила такой волной боли, что я снова застонала, свернувшись калачиком.

Нет. Двигайся. Существовай.

Я приняла душ, стараясь смыть с кожи тот самый, чужой запах, что въелся в память. Горячая вода не помогала. Я всё ещё чувствовала его.

Потом был поиск квартиры. Я открыла приложение на телефоне. «Снять, однокомнатная, посуточно, без звонков собственнику». Мне было всё равно на район, на цену. Главное — быстро и чтобы он не нашёл.

Агентство недвижимости находилось в невзрачном бизнес-центре. Девушка агент, жизнерадостная и неутомимая, показывала мне варианты.

- А вот уютная студия в центре, евроремонт! - щебетала она.

Я молча кивала, глядя в окно. «Евроремонт». У нас был евроремонт. Мы выбирали обои вместе. Он сказал, что голубой цвет мне к лицу.

- Или вот, подешевле, но на окраине. Зато тихо, зелено.

«Зелено». Мы мечтали о домике за городом. С садом.

Я понимала, что смотрю не на квартиры. Я ищу не жилье. Я ищу убежище. Пещеру, где можно зализывать раны.

- Мне вот эту, - я ткнула пальцем в первый попавшийся вариант на последнем этаже. Безликая коробка с минимальной мебелью. - Сейчас. Я могу сразу заехать?

Девушка удивилась, но деньги делают чудеса. Через час я стояла на пороге новой квартиры. Пустой, холодной, пахнувшей свежей краской и одиночеством.

Я закрыла дверь и повернула ключ. Звук щелчка был тихим, но окончательным.

Я прошла в гостиную, села на голый пол у стены и обхватила колени руками. В сумке лежал мой телефон. Он звонил. Не переставая. Сначала его номер. Потом мамин. Потом снова его.

Я вынула сим-карту, сломала её пополам тонкими ногтями и выбросила в мусорный пакет.

Теперь была только тишина. И я. Та, которой я стала. Не невестой. Не любимой. Просто - женщиной, сидящей на полу в пустой квартире, с разбитым сердцем и билетом в один конец в никуда.

Я прижала лоб к холодной стене и закрыла глаза. Внутри была та же пустота, что и в этой комнате. Выжженная, мёртвая земля.

Всё кончено, - прошептал мой внутренний голос. И на этот раз это прозвучало не как приговор, а как констатация

факта.

Начиналась новая жизнь. Без него.

Глава 9. Юля.

Прошёл месяц. Тридцать дней. Семьсот двадцать часов. Я считаю. Почему-то мне кажется, что если я буду вести этот бессмысленный отсчёт, время обретёт хоть какую-то структуру. Будет не просто бесформенной, болезненной массой, а последовательностью цифр. С цифрами проще.

Моя жизнь теперь уместается в тридцать квадратных метров. Съёмная квартира. Коробка с белыми стенами и видом на такой же безликий соседний дом. Я называю это «мой бункер». Здесь тихо. Здесь нет его. Здесь нет никого.

Я работаю удалённо. Открываю ноутбук утром, отвечаю на письма, выполняю задачи. Коллеги в общем чате шлют смайлики, спрашивают, как дела. Я печатаю «всё ок» и отключаюсь. Моё отражение в чёрном экране монитора – бледное, с тёмными кругами под глазами. Я его не узнаю.

День расписан по минутам, как у тяжелобольного. Подъем. Кофе. Работа. Обед из доставки. Снова работа. Вечером – сериал. Любой. Лишь бы он заполнял тишину бессмысленными диалогами. Я смотрю, не видя, не слыша. Просто впитываю шум.

Я хожу только в два места. В ближайший магазин у подъезда и в аптеку, что через дорогу. В магазине я покупаю одно и то же: воду, йогурты, хлеб, яблоки. Еда стала топливом. Без вкуса, без запаха. В аптеке я раз в неделю беру лёгкое

успокоительное. Раньше я не пила лекарств, но без него ночи превращаются в долгую пытку. Однажды, когда сон совсем перестал приходить, я дошла до частной клиники рядом с домом и врач выписал мне лёгкий натуральный препарат.

Сегодня я решилась выйти дальше обычного. Нужно было купить новый картридж для принтера. Я надела большой свитер, натянула капюшон, будто готовилась к ограблению, а не к походу в торговый центр. Солнце на улице показалось мне неестественно ярким, агрессивным, а люди - слишком громкими.

Я шла, глядя себе под ноги, стараясь ни на кого не смотреть. Но всё равно ловила обрывки чужих жизней. Смех пары, держащейся за руки. Молодая мама катила коляску, что-то нежно напевая. Каждый смех, каждое прикосновение было как удар по открытому нерву.

У них всё нормально. У них есть своё «завтра». А у меня есть только это «сегодня». Это бесконечное, однообразное «сегодня».

В торговом центре я заблудилась. Я стояла перед указателями, и буквы расплывались. Кругом были пары, семьи, друзья. Они выбирали одежду, спорили о том, какой фильм посмотреть, целовались у фонтана. Их счастье было таким наглядным, таким осязаемым. И таким чужим.

Я купила картридж и почти бежала к выходу, задыхаясь. Мне нужно было обратно. В мой бункер. Где нет этих красок, этих звуков, этого чужого счастья.

Вечер. Я сижу на полу в гостиной, спиной к холодной батарее. Успокоительное ещё не подействовало. В голове, как заезженная пластинка, крутится один и тот же вопрос: А что, если бы?..

Что, если бы я не поехала к Наташе в тот вечер? Что, если бы зашла на пять минут раньше? Что, если бы не молча ушла, а устроила сцену? Разбила бы всё в той квартире? Выплеснула бы свою боль на них?

Но нет. Я ушла. Тихо. Как призрак. И теперь я и есть призрак. Тень, которая бродит по съёмной квартире, пьёт кофе и смотрит в экран.

Я подхожу к окну. Город за стеклом сияет миллионами огней. Где-то там он. Наверное, ищет меня. Или уже смирился. А может с ней.

Мысль о них - все та же, острая, как лезвие. Она не притупилась за этот месяц. Она просто вошла в плоть и кровь, стала частью фоновой боли, которая сопровождает меня всегда.

Я гашу свет и ложусь на расправленный диван. Он слишком большой для одного человека. Я сползаю на край, на «свою» сторону. Привычка.

Завтра будет новый день. Такой же, как этот. И послезавтра. И через месяц. Просто последовательность цифр. Без прошлого. И, кажется, без будущего. Только бесконечное, плоское, серое настоящее.

И я больше ничего не жду, совсем ничего. Один серый день сменяет другой такой же.

А сегодня появилось странное состояние. Меня с утра стало подташнивать, немного кружилась голова и днём странно клонило в сон. Может отравилась? Или побочка от успокоительных?

Глава 10. Саша

Прошёл месяц. Тридцать дней. Я перестал считать. Каждый из них был похож на предыдущий - серый, пыльный, бессмысленный. Я просыпаюсь и первое, что я делаю - проверяю телефон. Никаких пропущенных. Никаких сообщений. Тишина. Она стала моим единственным спутником.

Я объездил всё и всех. Всех её подруг, которых смог вспомнить. Бывших коллег. Даже съездил к её родителям в другой город - соврал, что поссорились, что она не выходит на связь. Её мама смотрела на меня заплаканными глазами и качала головой. Она не знала. И я видел в её взгляде не только тревогу за дочь, но и укор мне. Справедливый укор.

Я часами могу ездить по городу. Мимо парков, где мы гуляли. Мимо кинотеатров, где мы смотрели фильмы, и я держал её за руку. Теперь я смотрю на лица в толпе. В каждом силуэте, в каждом повороте головы мне мерещится она. Иногда я резко торможу, чтобы присмотреться к девушке с такими же волосами. Но это никогда не она.

Квартира превратилась в филиал ада. Я не убираюсь. На полу валяются пустые коробки от пиццы, бутылки. Воздух спёртый, тяжёлый. Я захожу сюда только чтобы выключиться. Упасть на диван и смотреть в потолок.

И сегодня снова этот звонок в дверь. Настоячивый. Я знаю, кто это. Не открываю. Но она звонит и звонит. И потом

в тишине раздаётся её голос:

- Саш, я знаю, что ты там. Открой. Мне нужно тебе кое-что отдать. От Юли.

Это низкий удар. Она знает, куда давить. Я не верю ей. Ни на секунду. Но слово «от Юли» заставляет сердце сделать болезненный кувырок. Я медленно подхожу к двери, открываю.

Она стоит на пороге. Идеальная, как всегда. В дорогом пальто, с макияжем, скрывающим любые эмоции. В руках - какая-то коробка.

- Можно? - она проскальзывает внутрь, не дожидаясь ответа, и морщит нос. - Боже, Саша, что тут творится? Ты же себя совсем запустил.

Она ставит коробку на стол и оглядывается с видом хозяйки. Меня от её присутствия тошнит.

- Что ты хотела? - мой голос хриплый, я почти не разговариваю последние недели.

- Я же сказала. От Юли. - она указывает на коробку. - Она оставила это у меня... перед тем как исчезнуть. Решила, что тебе не нужны эти воспоминания.

Я смотрю на коробку. Руки не поднимаются её открыть. Что там? Наши фотографии? Её вещи? Её прощальное письмо?

- Зачем ты это принесла? - спрашиваю я, чувствуя, как злость подкатывает к горлу. - Чтобы ещё раз ткнуть мне в лицо тем, что я потерял?

- Саш, нет! - она делает шаг ко мне, её глаза наполняются фальшивой, слащавой жалостью. - Я вижу, как ты страдаешь. Это невыносимо. Она сбежала, Саша! Бросила тебя в самый трудный момент! А я... я здесь. Я всегда была здесь.

Она протягивает руку, чтобы прикоснуться к моей щеке. Я резко отшатываюсь, как от огня.

- Не трогай меня. Уходи.

- Почему ты так со мной? - её голос дрожит, она играет роль обиженной невинности блестяще. - Мы оба стали жертвами этой ситуации! Мы могли бы поддерживать друг друга...

- Жертва? - я издаю какой-то хриплый, не свойственный мне звук, похожий на смех. -Ты? Ты всё подстроила! Ты уничтожила нас!

- Я?! - она возводит глаза к потолку. - Саша, я просто была рядом! Это ты ко мне пришёл! Это ты был не в себе! А она вместо того, чтобы разобраться, просто сбежала! Кто из нас настоящая подруга? Кто из нас действительно тебя любит?

Её слова - как иглы. Они попадают в цель, потому что часть меня, самая тёмная и отчаявшаяся, задаёт себе те же вопросы. Почему Юлия не дала мне шанса объясниться? Почему она так легко поверила худшему?

Но я смотрю на Наташу. На её идеальное, расчётливое лицо. И понимаю. Понимаю всё. Всё было подстроено так, что не поверить было не возможно.

- Выйди, - говорю я тихо, но так, что каждый звук напол-

нен сталью. - И больше не приходи. Никогда.

Она замирает. Маска спадает на секунду, и я вижу в её глазах чистую, неразбавленную злобу. Но тут же она возвращается.

- Хорошо, - она вздыхает, снова несчастная жертва. - Я уйду. Но знай, моя дверь всегда открыта. Когда ты одумаешься...

- Уходи.

Она выходит. Я захлопываю дверь и поворачиваю ключ. Потом медленно сползаю на пол и опускаю голову на колени.

Я остаюсь один. С коробкой, полной призраков моего счастья. С тишиной, которая давит на уши. С отчаянием, которое съедает изнутри.

Я не знаю, где она. Но я знаю, что я её потерял. И самое ужасное - я знаю, что заслужил это. Полностью. И безоговорочно.

И эта мысль - самая невыносимая из всех.

Глава 11. Юля.

Сначала я думала, что это просто стресс. Очередной сбой в организме, вымотанном месяцем автономного плавания в тихом отчаянии. Тошнота по утрам, головокружение, обострившееся обоняние - всё списывала на нервы. На то, что тело наконец-то начало подавать сигналы бедствия после того, как мозг приказал ему просто функционировать.

Но сегодня утром всё стало на свои места. Я стояла в ванной, глядя на две полоски на тесте, и мир не рухнул. Он замер. Замер в хрупком, звенящем равновесии.

Я не плакала. Не кричала. Я просто смотрела на этот маленький пластиковый прямоугольник, как загипнотизированная. Две полоски. Как знак «стоп» на пути в никуда. Как красный свет, заставивший моё внутреннее метание резко оборваться.

Ребёнок. Его ребёнок.

Мысль была настолько чудовищной и настолько... спасительной, что я медленно опустилась на холодный кафель, не в силах устоять на ногах. Я прижала ладони к плоскому ещё животу. Внутри была тишина. Абсолютная. Но теперь это была не пустота. Это было ожидание.

- Как? - прошептал какой-то остаток прежней, рациональной меня.

Та ночь не задолго до произошедшего. Тёплая, нежная,

полная смеха и предвкушения. Мы лежали, сплетясь, и строили планы. О детской. О том, какие у него будут глаза. Он говорил, что хочет дочку. Таковую же упрямую, как я.

И вот она. Здесь. Ещё даже не «она», а просто крошечное скопление клеток. Но уже - всё, она есть.

Страх накатиł первым. Ледяной, парализующий. Одинокaя мать. Съёмная квартира. Работа, которой может не стать, если я не выдержу ритма. Что я могу дать этому ребёнку? Кроме разбитого сердца и пепла от прошлой жизни?

Я закрыла глаза, и перед ними встал он. Его улыбка. Его руки. Он должен знать. Эта мысль пронзила меня остро и болезненно. Но тут же за ней пришла другая, сильнее, твёрже. Нет. Не должен.

Он потерял на это право. Он потерял право на наши с ним общие утренние чаепития, на выбор имени, на первые шаги. Он выбрал другую постель. И теперь у него будет другая жизнь. А у меня - эта. Наша.

Я поднялась с пола и подошла к зеркалу. Вглядывалась в своё отражение. Бледное, худое лицо. Но в глазах, которые месяц были пустыми, вдруг появилась искра. Не счастья. Нет. Слишком рано для счастья. Но появилась цель. Железная, как сталь.

Этот ребёнок не виноват в предательстве своего отца. Он - не часть того кошмара. Он - то, что осталось от нашей любви. Единственное, что они не смогли у меня отнять.

Я снова положила руку на живот. Теперь уже не дрожа-

щей ладонью, а с каким-то зарождающимся, инстинктивным чувством защиты.

- Ничего не бойся, - прошептала я тихо, обращаясь к тому, кто был внутри. - Я с тобой. Я теперь всегда с тобой.

И вот тогда потекли слёзы. Не горькие, не отчаянные, как раньше. А другие. Очищающие. Как будто какой-то внутренний лёд тронулся. Я плакала о том, что было, и о том, что будет. Но теперь в этих слезах была не только боль, но и сила.

Я вышла из ванной и сделала то, чего не делала месяц. Подошла к окну и распахнула его. Ворвался холодный воздух, пахнувший дождём и жизнью. Я вдохнула его полной грудью.

Всё изменилось. Я больше не была тенью, бесцельно бродящей по квартире. У меня был смысл. Маленький, размером с горошину, но сильнее всей моей прежней боли.

Я не знаю, как всё будет. Будут трудности, страх, сомнения. Но я знаю одно: я не позволю тени его предательства коснуться этого ребёнка. Я буду бороться. Я буду жить.

Нет, он всё таки должен знать, но возврата к прежнему не будет. Пусть видит, что потерял. А общаться ли с ребёнком или нет, пусть решает сам. Если малыш ему не нужен, уеду в родной город, к родителям. Там будет легче, а работать я могу и удалённо.

Впервые за долгие недели я почувствовала не тяжесть, а невероятную, оглушительную лёгкость. Потому что закончилась «жизнь после». Начиналась жизнь «ради».

Глава 12. Наташа.

Месяц. Целый месяц я играю в эту унижительную роль. Роль понимающей, терпеливой подружки. Роль, которая мне осточертела до тошноты.

Я снова стою у его двери. Палец занесен над звонком, но я не нажимаю. Вместо этого я прислушиваюсь к тишине за дверью. Ни звука. Он там. Я знаю, что он там. Он как затравленный зверь, забился в свою берлогу и не хочет высунуть нос.

Открой же, Саша. Открой и пойми, наконец, кто твой единственный союзник в этом свинском мире.

Я нажимаю на кнопку. Звонок оглушительно гудит в тишине подъезда. Никакой реакции. Я жду десять секунд. Двадцать. Звоню снова. Уже дольше, настойчивее.

Игнорируешь? Хорошо. Очень хорошо. Я ведь предупреждала, что я терпеливая. Но моё терпение не безгранично.

- Саша, я знаю, что ты дома! - говорю я сладким, но достаточно громким голосом, чтобы соседи слышали. - Мне нужно всего на минутку! Принесла тебе поесть!

Ложь течёт с моих губ так же легко, как дыхание. Я ничего не принесла. Мои руки пусты. Но образ заботливой женщины, несущей супчик несчастному жениху, всегда работает.

Из-за двери доносится глухой стон. Наконец-то! Признак жизни.

- Уходи, Наташа.

Его голос хриплый, пробивающийся сквозь дерево. В нем нет ни злости, ни ненависти. Только усталое, безразличное отчаяние. И это... это бесит меня больше всего. Я готова на его крик, на оскорбления. Но на это равнодушие - нет. С безразличием не поборешься.

- Я не уйду, пока ты не откроешь. Ты не ел нормально несколько дней, я волнуюсь! - вкладываю в голос трепет и заботу. Слышишь, Саша? Кто ещё о тебе волнуется? Твоя беглая невеста? Нет. Только я.

Молчание. Долгое. Я уже чувствую, как маска спадает, и на лице проступает оскал. Я сжимаю сумочку так, что костяшки белеют. Всего лишь открыть дверь, идиот. Я тебе жизнь подарю. Новую. С чистого листа. Почему ты не видишь этого?

- Пожалуйста, - добавляю я, уже почти срываясь. В голосе появляются стальные нотки. - Не заставляй меня вызывать слесаря. Будет некрасиво.

Это угроза. Прозрачная и грубая. Но я уже не могу сдерживаться. Месяц я стучалась в эту дверь, а он упорно строил из себя жертву. Хватит.

Слышу щелчок замка. Дверь приоткрывается на цепочку. В щёлке - его глаз. Красный, осунувшийся, полный такой ненависти к себе, что мне становится почти физически плохо.

- Что тебе надо? - его дыхание сбившееся. От него пах-

нет перегаром и немывтым телом. До чего ты себя довёл, мой красавчик.

- Мне надо убедиться, что ты жив, - говорю я мягко, заглядывая в квартиру. Боже, какой бардак. Идеально. Чем хуже он выглядит, тем ярче буду сиять я на его фоне. - Впусти меня. Я прибраться помогу.

- Я справлюсь сам. Уходи.

Он пытается захлопнуть дверь, но я успеваю просунуть в щель носок туфли.

- Нет, не справишься! - срываюсь я. Шёпот сменяется шипением. - Саша, посмотри на себя! Она сбежала! Бросила тебя гнить в этой помойке! А я здесь! Я одна пытаюсь до тебя достучаться!

Он смотрит на меня. И в его взгляде я наконец-то вижу нечто иное, кроме апатии. Крайнюю, бездонную усталость.

- Ты не пытаешься достучаться, Наташа. Ты ломишься в дверь, которую я закрыл. Навсегда. Пойми это.

Он отступает, и дверь с тихим щелчком захлопывается перед моим носом. Я остаюсь стоять на площадке, с бешено колотящимся сердцем и сжатыми кулаками.

Я сдержалась. Не стала кричать, не стала ломать дверь. Но внутри всё кипит. Ярость, обжигающая и сладкая, разливается по жилам.

Хорошо, Саша. Хорошо. Ты хочешь играть в упрямца? Мы поиграем.

Я поправляю пальто, принимаю безупречный вид и мед-

ленно спускаюсь по лестнице. Мои каблуки отбивают чёткий, холодный ритм.

Он думает, что может от меня отгородиться? Ошибается. У меня есть козыри. Есть время. И есть тайна, которую я пока придерживаю про запас. Та самая, про «несчастный случай» с чаем. Рано или поздно он сломается. И когда это случится, я буду рядом. Чтобы подобрать осколки и слепить из них того, кто мне нужен.

Охота продолжается. И добыча, какой бы упрямой она ни была, рано или поздно окажется в моих сетях. Я просто должна быть хитрее. Настойчивее. Безжалостнее.

Я выхожу на улицу, и солнечный свет режет глаза. Мир продолжает вертеться. А я возвращаюсь в свою идеальную, пустую квартиру – ждать. Считать дни. И копить злость, которая в один прекрасный день взорвётся и сметёт все его глупые принципы.

Глава 13. Юля

Мысль бьётся в висках, как птица о стекло. Сказать. Не сказать. Эти два варианта изводят меня уже неделю, с того самого дня, когда мир сузился до двух полосок и бесконечной тишины внутри. Эта новость стала началом новой меня, не раздавленной, а оживающей. Медленно, но я начала хотеть жить. Ради той жизни, что была внутри меня.

Сегодня утром меня снова вывернуло от запаха кофе. Я стояла, опёршись о раковину, и смотрела на своё бледное отражение, а внутри бушевала война. Одна часть прежней меня, ещё не до конца убитая, шептала: «Он должен знать. Это его и его ребёнок. У него есть право быть отцом». Другая, ожесточившаяся, та, что выстроила вокруг сердца ледяную стену, кричала: «Какое право? Право предать нас? Право разбить все вдребезги? Он потерял любые права, когда лег в ту постель»!

Я глажу ещё не округлившийся животик. Это жест уже стал привычкой, успокаивающим ритуалом. Я знаю, что мой малыш, хоть ещё и очень маленький, уже всё чувствует и всё понимает. Я разговариваю с ним, стараюсь не нервничать. Только бы у него всё было хорошо. Я больше не одинока.

«А что, если он не захочет?» - этот страх самый сильный. Что я увижу в его глазах не радость, а обузу. Испуг. Раздражение. Я не переживу этого. Не переживу второго предатель-

ства. Уже не только своего, но и этого маленького, беззащитного существа.

«А что, если захочет?» - и это пугает почти так же. Придется видеть его. Говорить с ним. Вспоминать. Снова впустить его в свою жизнь, даже на расстоянии. Смогу ли я? Смогу ли отделить в нем отца своего ребёнка от того мужчины, который разбил мне сердце?

Позвонить? Нет, такие вещи по телефону не обсуждают...

Смс? Нет. Это слишком просто. Безлико. Набрать несколько слов на экране и отправить в пустоту.

Электронное письмо? Звучит как деловое уведомление. «Уважаемый Александр Викторович, имеем честь уведомить вас о беременности...» Нет. Так нельзя.

Мне нужно что-то... осязаемое. Что-то, что сохранит хоть каплю того тепла, что было между нами когда-то, и передаст каплю того, что я чувствую прямо сейчас.

Мы в начале нашего пути часто писали друг другу бумажные письма. Глупые, смешные, полные любви. Я их все храню в коробке из-под обуви. Теперь эта коробка спрятана на самой верхней полке, как артефакт из другой жизни.

Решение пришло внезапно, с утренней тошнотой. Письмо. Настоящее, на бумаге. Чтобы он держал его в руках. Чтобы видел мой почерк, может быть, даже чувствовал едва уловимый запах моих духов на конверте. Чтобы понимал - это не смс-ка, брошенная в отчаянии или гневе. Это обдуманый шаг. Последний шанс, который я ему даю. Не для нас.

Для ребенка.

Я сажусь за стол, достаю лист бумаги. Рука дрожит. С чего начать? «Дорогой Саша»? Слишком тепло. «Александр»? Слишком холодно.

Я пишу просто. Сухо, как доклад.

«Саша, у нас будет ребёнок.»

Смотрю на эти слова. Они кажутся нереальными. Они меняют всё.

«Я не знаю, хочешь ли ты принимать участие в его жизни. Если да - приходи в центральный парк, на нашу скамейку у фонтана. Завтра. В 18.00.»

Наша скамейка. Там, где он впервые сказал, что любит меня. Где мы мечтали о будущем. Если что-то и может пробудить в нем не только чувство долга, но и что-то человеческое, так только это место.

«Если тебя не будет, я всё пойму. И больше не побеспокою, просто уеду.»

Ставлю точку. Подписываюсь просто: «Юля». Без «любящая», без «целую». Просто факт. Я - есть. Ребенок - будет. Твой выбор - за тобой.

Я вкладываю листок в конверт, пишу адрес его квартиры. Тот самый, который я месяц пыталась вычеркнуть из памяти.

Завтра в шесть вечера моя жизнь снова сделает резкий поворот. Либо я буду сидеть на той скамейке одна, с окончательным приговором, и это даст мне странную, горькую сво-

боду. Либо я увижу его.

И я до смерти боюсь обоих вариантов.

Я заказала курьерскую доставку, и передала письмо курьеру. Через несколько минут письмо будет у Саши.

Дорогие и любимые мои читатели.

Сегодня заканчивается 1 неделя выкладки прод. И с завтрашнего дня проды будут выходить по графику пн, Ср, пт. Но сегодня я решила выложить несколько глав. Две из них уже вышли и ещё две выложу в течение дня. Следите за уведомлениями, надеюсь, что моя книга в ваших библиотеках. Приятного чтения. Так же всегда рада и открыта для комментариев и всегда готова обсудить, даже если вы не согласны с действиями героев. Пишите, обсудим!

Глава 14. Наташа.

Глава 14. Наташа

Опять этот чёртов звонок. Я уже до косточек продрогла в этом проклятом подъезде, а он даже не думает открывать. Я слышу его шаги за дверью - тяжёлые, пьяные. Он просто стоит и дышит, слушая, уйду я или нет.

- Саша, я знаю, что ты там! - голос мой сладок, как сироп, но внутри всё закипает от ярости. - Хватит дуться! Давай поговорим, как взрослые люди!

В ответ - молчание. Всегда это молчание! Как будто я пустое место. Как будто месяц моих попыток достучаться - ничего не стоят.

И тут слышу шаги по лестнице. Не его. Кто-то поднимается. Я оборачиваюсь. Какой-то парень в куртке с логотипом службы доставки, с конвертом в руке.

- Квартира 12? - переспрашивает он, сверяясь с бумажкой.

У меня срабатывает мгновенный инстинкт. Шанс. Возможность.

- Да, это мне! - говорю я быстро, с лёгкостью и правдоподобностью, отработанной за годы лжи. Я широко улыбаюсь курьеру, принимая непринуждённую позу, будто только что вышла за почтой. - Муж вечно забывает заказать доставку на дом, приходится самой разбираться.

- Тут на конверте только адрес, имени нет. Так что полу-

чите и распишитесь.

Парень улыбается в ответ, ничего не подозревая.

- Пожалуйста, распишитесь здесь.

Я старательно вывожу на планшете закорючку, которая может сойти за подпись кого угодно. Сердце стучит где-то в горле, но руки не дрожат. Адреналин. Он всегда меня бодрит.

Курьер уходит, а я остаюсь с тонким конвертом в руках. На нём - её почерк. Узнаю его из тысячи. Аккуратный, округлый. Тот самый, которым она подписывала открытки, хвастаясь своим «счастьем».

Я отступаю от двери в полумрак лестничной площадки. Пальцы сами рвут бумагу. Извлекаю сложенный листок. Разворачиваю.

И читаю. Всего несколько строк. Но каждая - как удар ножом.

«Саша, у нас будет ребёнок. Я не знаю, хочешь ли ты принимать участие в его жизни... Завтра. В 18.00. Наша скамейка в центральном парке.»

Секунда тишины. А потом из моей груди вырывается низкий, хриплый звук, не то смех, не то рычание.

- Вот сучка, - шиплю я в полумрак, сжимая бумагу так, что она мнётся в моей руке. - Решила мужика ребёнком вернуть. Дешёвая уловка. Очень дешёвая.

Ярость горит во мне белым огнём. Так вот почему она сбежала так тихо! Не потому, что сердце разбито, а потому, что

вынашивала козырный туз! Ребёнок! Она решила, что это даст ей вечную индульгенцию и навечно привяжет его к себе!

Я оглядываюсь на его дверь. Он там, за этой деревяшкой, не подозревая, что его бывшая уже всюду плетёт новые сети. Нет, милая. Не получится.

Я быстро, почти машинально, прячу смятый листок в карман пальто. Доказательство уничтожено. Он никогда его не увидит. Никогда не узнает.

Я подхожу к его двери в последний раз и тихо, но очень чётко, говорю в щель:

- Ладно, Саша. Я уйду. Вижу, ты не в настроении. Но помни, я всегда рядом. В отличие от других.

Разворачиваюсь и спускаюсь по лестнице. Шаги мои твёрдые, уверенные. План мгновенно перестраивается в голове. Теперь недостаточно просто ждать. Теперь нужно действовать быстрее. Агрессивнее.

Она хочет встречи? Хочет рассказать ему о ребёнке? Что ж... Возможно, я успею сделать так, чтобы эта встреча прошла совсем не так, как она задумала. Или не прошла вовсе.

Я выхожу на улицу, и холодный воздух обжигает лицо. На душе – ледяное спокойствие. Игра входит в решающую стадию. И я не намерена проигрывать какой-то беременной сопернице.

Глава 15. Юля.

Сердце колотится так, будто хочет выпрыгнуть из груди и убежать вперёд по этой аллее. Каждый шаг даётся с трудом. Ноги ватные, в животе - стая бабочек, но не от счастья, а от леденящего страха. Что, если он придёт? Что, если нет?

Он должен прийти. Должен. Это же его ребёнок.

18:10. Он опаздывает. Пробки, - пытаюсь успокоить себя, но внутри уже заводится тревожная струна.

18:20. Струна натягивается до предела. Он не идёт. Может, письмо не дошло? Нет, не может быть...

18:30. Надежда тает, сменяясь тяжёлым, свинцовым пониманием. Он не придёт. Он прочитал и... не пришел. Я чувствую, как что-то во мне ломается окончательно.

И тут шаги. Быстрые, уверенные. Я вздрагиваю и поднимаю голову, сердце замирает на мгновение. Но это не он.

Из-за поворота выходит Наташа. В идеальном пальто, с холодной, торжествующей улыбкой. Она подходит прямо ко мне и останавливается, оценивающе глядя на меня.

- Привет, Юль. Не жди больше. Он не придёт.

Я замираю, не в силах вымолвить ни слова. Она знает. Откуда она знает о встрече?

- Что?.. - это все, что я могу выдать из себя.

- Саша прислал меня, - говорит она просто, ее голос ровный и спокойный, в нем нет ни капли сомнения. Она гово-

рит так, будто сообщает прогноз погоды. - Он получил твоё письмо. И умолял меня прийти вместо него. Сказал, что видеть тебя не может. Не хочет.

Я чувствую, как земля уходит из-под ног. Словно кто-то выдернул стул из-под меня, пока я сидела на этой скамейке.

- Он... прислал тебя? - повторяю я глупо, мозг отказывается верить. Но она говорит так уверенно, так естественно. Иначе как бы она узнала о письме? О месте? О времени? Сомнений не остается. Это правда. Горькая, унижительная правда.

- Ну да, - Наташа слегка пожимает плечами, ее взгляд скользит по моей фигуре с едва заметным презрением. - Он был не в себе. Говорил, что ты, наверное, решила его таким образом удержать ребёнком. Что это... как он выразился... «последняя попытка манипуляции».

Каждое ее слово - как удар хлыстом. «Манипуляция». Он так думает? Он действительно может так подумать?

- Он просил передать, - продолжает она безжалостно, - чтобы ты его больше не беспокоила. Что он не готов. И что... - она делает театральную паузу, - что он сомневается, его ли это ребёнок. После всего случившегося.

Вот он, финальный, добивающий удар. Воздух перестаёт поступать в лёгкие. Я просто смотрю на неё, и во мне нет ни злости, ни обиды. Только полная, абсолютная пустота. Холоднее, чем эта осенняя скамейка.

Она все видит. Видит, что добила своего. Ее губы рас-

тягиваются в тонкой улыбке.

- Ну, я все сказала. Держись, Юль. Теперь тебе надо думать о двоих.

Она разворачивается и уходит. Ее каблуки отстукивают по асфальту. Я не двигаюсь. Сажу и смотрю в пустоту.

Он не просто не пришёл. Он прислал ее. Свою любовницу. Чтобы та передала мне это. Чтобы унижить окончательно.

Во мне не остаётся ни капли сомнения. Только лёд. И тишина. Теперь я знаю ответ на все свои вопросы. И этот ответ - окончательный приговор.

Глава 16. Саша

Я смотрел на своё отражение в потёртом зеркале в прихожей. Оттуда на меня смотрел незнакомец. Бледный, с всклокоченными волосами, с щетиной, отросшей до состояния лёгкой бороды. Глаза запавшие, с красными прожилками, пустые. В них не было ничего, кроме усталости и стыда. От этого человека пахло потом, перегаром и отчаянием.

Это длилось месяц. Целый месяц я хоронил себя заживо в этой квартире, в этих четырёх стенах, которые помнили её смех, в наших воспоминаниях. Я пил, чтобы забыться, а просыпался только для того, чтобы снова всё вспомнить.

«Я ничего не помню». Как же это глупо звучит. Я действительно ничего не помню. Я помню, как пришёл, как пил чай... Всё... Я тысячи раз пытался вспомнить хотя бы что - то ещё, напрягал память, перебирал все воспоминания... Но ничего. Наташа утверждает, что я на неё накинудся. Но это же ложь. Но я никому, даже самому себе не могу этого доказать.

Я подошёл к окну и резко дёрнул шнур, раздвигая шторы. В комнату ворвался слепящий дневной свет. Я зажмурился. Город жил. А я - нет.

И вдруг, посреди этой пыльной, пропахшей горем комнаты, что-то щёлкнуло. Словно сработал какой-то предохранитель. Хватит.

С меня хватит.

Я не могу больше так. Я не могу позволить ей уйти, поверив в ту ложь, в тот кошмар, который я даже не могу вспомнить. Я не могу позволить ей думать, что она для меня ничего не значила. Что всё это было игрой, ложью...

Я прошёл в ванную, включил ледяную воду и с силой опустил лицо в ладони, полные воды. Холод обжёг кожу, прояснил сознание. Я поднял голову, снова посмотрел в зеркало.

- Хватит, - прохрипел я своему отражению. - Хватит себя жалеть. Ты её потерял. Но ты обязан попытаться. Объясниться. Добиться права хотя бы быть услышанным.

Я взял бритву. Первый раз за месяц. Лезвие скользнуло по коже, сбривая не только щетину, но и слои апатии, саморазрушения. Я мылся под почти кипятком, смывая с себя липкий налёт вины и бездействия. Я надел чистую одежду. От запаха свежести на рубашке слезились глаза.

Потом я взял мусорные пакеты. Один. Второй. Третий. Я выкидывал пустые бутылки, коробки от еды, весь хлам, что скопился за этот месяц. Я проветривал квартиру, впуская внутрь холодный, свежий воздух. Это было болезненно. Как дезинфекция раны.

Я сел на диван, оглядев чистую, но пустую гостиную. С чего начать? Я объездил всех её знакомых. Всех. Но я не искал... по-настоящему. Я искал, как потерянный ребёнок, надеясь, что меня пожалеют и вернут мне её. Теперь нужно искать как мужчина. Как тот, кто готов бороться.

Я достал телефон. Первым делом - её родители. В прошлый раз я соврал им. Теперь нужно сказать правду. Часть правды. Самую горькую. Что я облажался. Что я её обидел. Но что я люблю её больше жизни.

Потом - все её коллеги, с кем она поддерживала связь. Все подруги, даже те, кто меня ненавидел после этой истории. Я буду стучаться в каждую дверь. Буду умолять, буду унижаться, если понадобится.

Я встал и подошёл к тому месту на полу, где лежали осколки нашей фотографии. Я нашёл обе половинки - его и её. Я не буду их склеивать. Трещина останется. Как шрам. Как напоминание.

Я положил половинку с её улыбкой в карман рубашки, прямо у сердца.

Я не знаю, где ты, Юлия. Я не знаю, захочешь ли ты меня услышать. Возможно, ты вышвырнешь меня за дверь, едва увидишь. Возможно, твоя ненависть ко мне теперь - единственное, что тебя согревает.

Но я должен попытаться. Я должен посмотреть тебе в глаза и сказать... сказать не «прости». Я не имею права просить прощения. Я должен сказать «я был слепым идиотом». Сказать «я люблю тебя». И принять любой твой приговор.

Я вышел из квартиры и запер дверь. Впервые за месяц я шёл не в магазин за алкоголем, а навстречу своему искуплению. Дорога была длинной, и шансов почти не было.

Но я шёл. Потому что альтернатива - остаться в том аду,

который я сам для себя создал, - была хуже. Гораздо хуже.

Глава 17. Наташа.

План был безупречен. Как алмаз, огранённый моим отчаянием и холодной яростью. Я держала в руках тот самый козырь, против которого не устоять ни одному мужчине, даже такому упрямому, как Саша. Особенно такому, как Саша - с его дурацкими понятиями о чести и долге.

Справка лежала в моей сумочке, хрустя чистым, официальным бланком. Подделка? Конечно. Докторша из частной клиники оказалась сговорчивой, особенно после того, как я положила на её стол конверт с суммой, равной её полугодовой зарплате. «Беременность, 4-5 недель». Как раз тот самый срок. Тот самый роковой вечер. Идеально.

Я шла к его дому, и каждый шаг отдавался в висках сладким предвкушением. Сегодня всё изменится. Сегодня он перестанет быть жертвой обстоятельств и станет моей добычей. Окончательно.

Он открыл дверь не сразу. Выглядел... лучше. Чисто выбрит, волосы влажные, будто только из душа. В глазах - не прежнее отчаяние, а какая-то новая, опасная решимость. Это меня на секунду смутило, но я тут же взяла себя в руки.

- Привет, Саш, - вошла, не дожидаясь приглашения, как всегда. - Выглядишь... бодро.

- Наташа, я не в настроении, - он попытался закрыть дверь, но я была уже внутри.

- Это ненадолго. И... это важно. - Я сделала паузу, подбирая слова. Нужно было сыграть идеально. Не триумф, не шантаж. Смесь смущения, надежды и ответственности.

- Что ещё? - он устало прислонился к косяку.

Я достала справку и протянула ему. Молча. Он взял листок, пробежал глазами. Я следила за его лицом. Сначала непонимание. Потом - медленное, ледяное осознание. И наконец - вспышка гнева.

- Это что за бред? - он чуть не смял бумагу. - Ты с ума сошла?

- Это не бред, Саша, - мой голос дрожал, но я старалась говорить мягко, убедительно. - Я беременна. С того самого вечера. Четыре - пять недель. Вот подтверждение.

Он засмеялся. Резко, цинично.

- Не верю. Ты способна на всё. Это твоя новая уловка? Довести меня до ручки, а потом подсунуть фальшивку?

Укол злости пронзил меня, но я не подала вида. Внутри всё кричало: «Да, сволочь, уловка! И она сработает!» Но внешне я лишь грустно улыбнулась.

- Я знала, что ты не поверишь. Сначала я и сама не могла поверить. - Я опустила глаза, делая вид, что разглядываю узор на паркете. - Но это правда. И когда ребёнок родится, ты всё поймёшь. Узнаешь себя в нём.

Он смотрел на меня с таким нескрываемым отвращением, что мне захотелось выцарапать ему глаза.

- Никакого ребёнка нет, Наташа. Убирайся.

- Хорошо, - тихо сказала я, делая шаг назад, к отступлению. - Я не буду тебя упрашивать. И доказывать что-то - тоже. Я уезжаю.

Это заявление его озадачило. Он явно ждал истерики, угроз, чего угодно, но не этого.

- Уезжаю из города, - продолжила я, поднимая на него ясный, спокойный взгляд. - Мне нужен свежий воздух, покой. Чтобы беременность протекала нормально. Вдали от... всего этого.

Я сделала жест, охватывая его квартиру, наш с ним конфликт.

- У тебя будет время. Время свыкнуться с мыслью. Ты теперь отец, Саша. Нравится тебе это или нет. А когда ребёнок родится... - я сделала ещё одну паузу, вкладывая в слова всю кажущуюся искренность, - ...ты сможешь сделать тест ДНК. И всё проверить. Я не против.

Я видела, как в его глазах борются неверие, злость и... чёрт возьми, крупица сомнения. Сомнения - это уже победа. Он не знал, что и думать. Мой уход лишил его возможности немедленно разоблачить меня, давил на его чувство ответственности, оставлял его наедине с этой новостью.

- Ты сошла с ума, - прошипел он, но уже без прежней уверенности.

- Возможно, - согласилась я. - Любовь сводит с ума. До свидания, Саша. Подумай... о своём ребёнке.

Я развернулась и вышла. Не оглядываясь. Чётко, гордо,

как подобает будущей матери, несущей свой крест. Я чувствовала его взгляд на своей спине, полный смятения и ярости.

Спускаясь по лестнице, я позволила себе улыбнуться. Холодной, безрадостной улыбкой победительницы.

Он не поверил. Но он и не выбросил меня за дверь сразу. Он услышал. Он остался с этой мыслью. С этим призраком.

Я дала ему время. Время, за которое его гнев остынет, а чувство вины и долга - начнёт точить изнутри. А я вернусь. Обязательно вернусь. С «животиком». С УЗИ. С новой порцией неоспоримых, как ему будет казаться, доказательств. В общем, дальнейший план нужно ещё проработать. Но это мелочи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.